

Воспоминания о Владимире Ильиче

Раннее утро. Меня подняли с постели, сказавши, что нужно ехать в Кремль на консультацию к Председателю Народных Комиссаров, Влад. Ил. Ленину, которого ранили вечером и которому стало теперь хуже. Ехал с каким-то напряженным чувством той громадной ответственности, которую на тебя возлагают этим участием в консультации у Ленина, того Ленина, который возглавляет всю нашу революцию, направляет и углубляет ее. Сложное это было чувство; за давностью времени кое-что уже стерлось, но, кроме этой напряженности, очевидно, здесь была и доля любопытства — поглядеть поближе на вождя народа, может быть, некоторое чувство робости...

Небольшая комната, еще полумрак. Обычная картина, которую видишь всегда, когда беда с больным случилась внезапно, вдруг: растерянные, обеспокоенные лица родных и близких — около самого больного, подальше стоят и тихо шепчутся тоже взволнованные

---

* *Владимир Николаевич Розанов (1872–1934)* — российский хирург. В 1921 г. оперировал И. В. Сталина; в 1922 г. оперировал В. И. Ленина. 23 апреля 1922 г. извлек пули, оставшиеся после покушения на жизнь Ленина, произошедшего 30 августа 1918 г. 29 октября 1925 г. оперировал народного комиссара по военным и морским делам СССР, председателя Реввоенсовета СССР М. В. Фрунзе по поводу язвы желудка ([?], операция прошла неудачно, Фрунзе скончался). Главный врач Кремлёвской больницы (с 1929). Герой Труда (1932).

люди, но, очевидно, уж не столь близкие к больному. Группой с одной стороны около постели раненого врачи: Вл. Мих. Минц, Б. С. Вейсброд, Вл. А. Обух, Н. А. Семашко — все знакомые. Минц и Обух идут ко мне навстречу, немного отводят в сторону и шепотом коротко начинают рассказывать о происшествии и о положении раненого; сообщают, что перебито левое плечо одной пулей, что другая пуля пробила верхушку левого легкого, пробила шею слева направо и засела около правого грудно-ключичного сочленения. Рассказывали, что Вл. Ил. после ранения, привезенный домой на автомобиле, сам поднялся на 3-й этаж и здесь уже в передней упал на стул. За эти несколько часов после ранения произошло ухудшение как в смысле пульса, так и дыхания, слабость нарастающая. Рассказавши это, предложили осмотреть больного.

Сильный, крепкий, плотного сложения мужчина; бросалась в глаза резкая бледность, цианотичность губ, очень поверхностное дыхание. Беру Владимира Ильича за правую руку, хочу пощупать пульс, Владимир Ильич слабо жмет мою руку, очевидно, здороваясь, и говорит довольно отчетливым голосом: «да, ничего, они зря беспокоятся». Я ему на это: «молчите, молчите, не надо говорить». Ищу пульса и к своему ужасу не нахожу его, порой он попадает, как нитевидный. А Вл. Ильич опять что-то говорит, я настоятельно прошу его молчать, на что он улыбается и как-то неопределенно машет рукой. Слушаю сердце, которое сдвинуто резко вправо, — тоны отчетливые, но слабоватые. Делаю скоро легкое выстукивание груди, — вся левая половина груди дает тупой звук. Очевидно, громадное кровоизлияние в левую плевральную полость, которое и сместило так далеко сердце вправо. Легко отмечается перелом левой плечевой кости, приблизительно на границе верхней трети ее с средней. Это исследование, хотя и самое осторожное, безусловно очень болезненное, вызывает у Вл. Ил. только легкое помарщивание, ни малейшего крика или намек на стоны. О результатах своего осмотра быстро сообщая Вл. А. Обуху, который стоит здесь рядом со мной, нагнувшись над раненым. Вл. А. Обух, соглашаясь со всеми находимыми мною данными объективного исследования, все время шепотом говорил: «Да, да», и мы оба настойчиво просим Вл. Ил. не шевелиться и не разговаривать. Вл. Ил. в ответ на наши слова молчит, но улыбается. Идем в другую комнату на консультацию, по дороге в коридорчике меня останавливает Надежда Константиновна и двое из знакомых мне — кто, не помню — и тихо спрашивают: «ну, что?». Я мог ответить только: «тяжелое ранение, очень тяжелое, но он сильный». На консультации мне, как вновь прибывшему врачу, пришлось говорить первому. Я отметил, что здесь шок

пульса от быстрого смещения сердца вправо кровоизлиянием в плевру из пробитой верхушки левого легкого и центр нашего внимания, конечно, не сломанная рука, а этот так наз. гематоторакс. Приходилось учитывать и своеобразный, счастливый ход пули, которая, пройдя шею слева направо, сейчас же непосредственно впереди позвоночника, между ним и глоткой, не поранила больших сосудов шеи. Уклонись эта пуля на один миллиметр в ту или другую сторону, Владимира Ильича, конечно, уже не было бы в живых. Военный опыт после годов войны у нас, у хирургов, был очень большой, и было ясно, что если только большой справится с шоком, то непосредственная опасность миновала, но оставалась другая опасность, это опасность инфекции, которая всегда могла быть внесена в организм пулей. Эту опасность предотвратить мы уже не могли, мы могли ее только предполагать и бояться, так как она была бы грозной: страшно было и за плевральную полость и за пулевой канал на шее, который пронизал, очевидно, в нескольких местах шейную клетчатку, да еще такую клетчатку, как заглоточную. Все эти тревоги и опасения были высказаны мною, равно как и другими врачами. Соответственные мероприятия были выработаны очень легко: абсолютный покой, все внимание на сердечную деятельность, руку временно приходилось забыть, для нее только легкая контентивная повязка, чтобы трущиеся при невольном движении отломки костей не доставляли раненому ненужных страданий. Я с удовольствием согласился и поддерживал предложение Вл. А. Обуха при гласить вечером на новую консультацию д-ра Николая Николаевича Мамонова, большого терапевта, талантливого и удивительного мастера в подходе к больному. Такой врач нам, хирургам, был нужен, чтобы детальнее следить за изменениями в плевре и в легком. Вопрос о том, нужно или нет вынимать засевшие пули, без малейших колебаний был сразу решен отрицательно. После консультации длинное и долгое обсуждение официального бюллетеня о состоянии здоровья Вл. Ил. Приходилось тщательно и очень внимательно обдумывать каждое слово, каждую запятую: ведь нужно было опубликовать перед народом и миром горькую правду, исход был неизвестен, но это нужно было сказать так, чтобы осталась надежда.

После этого опять пошли к Вл. Ил. Около него сидела Надежда Константиновна. Вл. Ил. лежал спокойно, снова наша настойчивая просьба не шевелиться, не разговаривать. На это — улыбка и слова: «ничего, ничего, хорошо, со всяким революционером это может случиться». А пульса все нет и нет. Вечером снова консультация и так каждый день, утром и вечером, пока дело не наладилось, т. е. 4–5 недель.

Пульс восстановился только через 2-е суток, т. е. стал таковым, что его можно было назвать удовлетворительным. Через четыре дня общее состояние настолько улучшилось, что позволительно было подумать о том, чтобы приняться за правильное лечение перебитой руки.

Опасность инфекции как будто миновала, и могучая натура Вл. Ил. стала быстро справляться с громадным кровоизлиянием в плевру. Выпот быстро всасывался, сердце возвращалось к нормальному положению, дышать больному становилось все легче и легче, а нам, врачам, становилось все труднее и труднее: дело в том, что как только Вл. Ил. стал чувствовать себя лучше, как только у него поокреп голос, заставить его быть спокойным, заставить его не шевелиться, не разговаривать, заставить его поверить нам, что опасность еще не миновала, — представлялось совершенно невозможным: он хотел и работать, и быть в курсе всех дел. На наши приставания: всегда улыбка, всегда очень милая, но совершенно откровенная, т. е. «я вам верю, верю, что вы говорите по совести, но»... Вот это-то «но» и заставляло нас быть благодарными переломанной руке. Рука была повешена на вытяжение и тем самым волей-неволей приковывала Вл. Ил. к постели. Сращение руки шло прекрасно, и недели через 3 появилась уже настолько хорошая спайка, что удерживать Вл. Ил. в постели не представлялось нужным, так как вытягивающий груз можно было хорошо приспособить и при вертикальном положении больного.

Вл. Ильич нас, врачей, меня в частности, всегда встречал очень радушно и приветливо, хотя неоднократно высказывал свое неудовольствие, очень искренно и горячо, что нас заставляют навещать его 2 раза в день, отрывая нас от других больных. Я ему на это всегда отвечал: «Вл. Ил., ведь вы тоже больной и больной серьезный, со всех сторон». Раз он мне за это «со всех сторон» и ответил довольно сердито: «а разве от “этих сторон” болезнь течет иначе? все ведь это товарищи пристают». Я ему на это: «обязательно, Вл. Ил., иначе, все равно, как у врачей: до 7-го колена болезни текут всегда как-то шиворот навыворот». Вл. Ил. рассмеялся и, сказавши: «Вас не переспоришь», со смехом стал снимать сорочку, чтобы проделать скучную процедуру выстукивания и выслушивания легкого.

Выражаясь нашим врачебным языком, можно сказать, что случай протек изумительно гладко: выпот в плевру рассосался бесследно, легкое расправилось совершенно. Я не помню, чтобы тогда мы отмечали что-либо особенное в смысле склероза, склероз был соответственный возрасту. Спайка руки шла прекрасно, бы-

ли только небольшие боли по тракту лучевого нерва, небольшие, очевидно, зависящие от ушиба этого нерва одним из отломков сломанной кости. На руку был сделан протезным заводом легкий, съемный кожаный протез с шинками, съемный, чтобы можно было сделать массаж, и Вл. Ил., по настоянию всех врачей, уехал на несколько недель в деревню. Уехать было необходимо, так как здесь, в Кремле, Вл. Ил. все-таки занимался, а отдохнуть и набраться сил после тяжелейшего ранения было нужно. В конце сентября Вл. Ил. приехал показаться нам, лечащим врачам, т. е. В. М. Минцу, Н. Н. Мамонову и мне. Вл. Ил. выглядел прекрасно: бодрый, свежий, со стороны легких и сердца — полная норма, рука срослась прекрасно, так что протез свободно можно было бросить; жалоба только одна: неприятные, порой болевые ощущения в большом и указательном пальцах больной руки — результат указанного выше ушиба лучевого нерва. На этой консультации было решено, что д-ру Мамонову делать больше нечего, а мы, хирурги, увидимся еще раз недели через $\frac{1}{2}$ — 2. Вл. Ил. во время этой консультации долго болтал с нами, расспрашивал меня про нашу больницу, успокоился тем, что у нас уже начались затруднения с отоплением корпусов, что-то записал себе на бумажке, при этом долго смеялся тому, что нигде у себя в комнате не мог найти какой-либо бумажки, говоря: «вот, что значит быть председателем». На мой вопрос: беспокоят ли его пули, из которых одна на шее прощупывалась очень легко и отчетливо, он ответил отрицательно и при этом, смеясь, сказал: «а вынимать мы с вами их будем в 1920 году, когда с Вильсоном справимся».

На последней консультации, когда мы распрощались с Вл. Ил., произошел один маленький эпизод, который хорошо выявляет удивительную деликатность и чуткость Вл. Ил. От Ц. К. ко мне несколько раз обращались с вопросом о гонораре за лечение Вл. Ил. Говорил об этом и Вл. А. Обух, которого я очень просил, чтобы этот вопрос о деньгах не поднимался.

Я эти разговоры передал, конечно, коллегам Минцу и Мамонову; нам казалось совершенно невозможным представлять какой-то счет Вл. Ил., выздоровление которого мы буквально сами переболели.

Вл. Ил. решил этот вопрос сам деликатно и великолепно. На последней консультации были только я и В. М. Минц. Осмотрели, беседовали немного, попросили его некоторое время массировать руку, указывали ему на необходимость беречься и позаботиться о том, чтобы в квартире было потеплее. Здесь Вл. Ил. нас насмешил и сам посмеялся: «Вы говорите — потеплее, велел себе электрическую печку поставить, — поставили, а оказывается это

против декрета; вот как быть? — придется все-таки оставить... по предписанию врачей». Хотим проститься (я не помню, кто с нами здесь еще был, кажется Мария Ильинична), — Вл. Ил. встает как-то немного смущенный, и говорит: «на минутку», зовет в спальню. Протягивает одной рукой конверт В. М. Минцу, а другой — мне. И, буквально конфузясь, говорит: «Это — за лечение, я глубоко вам благодарен, вы так много на меня тратили времени». Мы с Минцем оба смешались на несколько секунд и держались за конверты, которые оставались в руках у Вл. Ил. Выйдя из этого замешательства, я, наконец, сказал: «Владимир Ильич, может быть, можно без этого, — поверьте, мы рады, что вы выздоровели, искренно рады и благодарны за то, что вы выздоровели». Минц, тоже волнуясь, сказал что-то в этом роде. Вл. Ил. немного прищурился на меня, поглядел как-то пристально, бросил конверты, кажется, на постель, подошел почти вплотную, крепко, крепко пожал руку, взял меня рукой за плечо и, волнуясь очень заметно, произнес: «Бросим это, спасибо, еще раз благодарю». Сказал он это так хорошо и искренно, что мне тоже хорошо стало. Он проводил нас до двери, еще раз пожал мне не руку, а плечо и сказал: «если что-либо нужно будет — скажите». Приехавши домой, я сейчас же позвонил Вл. А. Обуху, о том, что у меня гора с плеч свалилась, рассказал ему всю сценку и сказал, что теперь вопрос о гонораре, мне кажется, ликвидирован окончательно. Больше никакого разговора ни с кем о гонораре не было.

Нам, работникам Солдатенковской больницы, которая стоит за 2 версты от заставы, зима 1918 и 1919 г. была очень трудна — и холодно, и голодно. Рядом с больницей расположен был так называемый Петровский огород. Получить этот огород для нужд коллектива служащих было крайне желательно, так как он был бы большим подспорьем, особенно, в смысле снабжения картофелем. Начались хлопоты, т. е. бесконечное хождение наших представителей по различным учреждениям, но все без толку.

Наконец, я совместно с представителями нашей больницы и Октябрьской написал прошение Вл. Ил., которое и передал ему через Надежду Константиновну д-р Ф. А. Гетье (лечивший в это время Над. Конст. и часто бывавший у Лениных). Вл. Ил. не только быстро помог нам получить этот огород в наше общее пользование, но и потом не забывал про него все годы, звонил ко мне по телефону, спрашивал, как идут дела, не нужно ли чего еще, и много раз присылал самокатчиков с коротенькими записочками, вроде такой: «тов. Розанов, как дела на огороде, что нужно?», или так: «тов. Розанов, будет ли урожай, сколько придется на каждого? Привет». Мы все, Солдатенковские, были ему бесконечно бла-

годарны за эту заботу. Приходилось только удивляться, как он среди груды работы умудрялся не забывать такой песчинки, как наш огород.

Когда я оперировал т. Сталина, который лежал у меня в больнице, Вл. Ил. ежедневно два раза, утром и вечером, звонил ко мне по телефону и не только справлялся о его здоровье, а требовал самого тщательного и обстоятельного доклада. Операция тов. Сталину была очень тяжелая: помимо удаления аппендикса пришлось сделать широкую резекцию слепой кишки и за исход ручаться было трудно. Вл. Ил. видно очень беспокоился и сказал мне: «Если что, звоните мне во всякое время дня и ночи». Когда на 4-й или 5-й день после операции всякая опасность миновала, и я сказал ему об этом, у него видно от души вырвалось: «Вот спасибо-то, но я все-таки каждый день буду звонить к вам». Навещая тов. Сталина у него, уже на квартире, я как-то встретил там Вл. Ил. Встретил он меня самым приветливым образом, отозвал в сторону, опять расспросил, что было со Сталиным; я сказал, что его необходимо отправить куда-нибудь отдохнуть и поправиться после тяжелой операции, на это он: «вот и я говорю то же самое, а он упирается, ну, да я устрою, только не в санаторию, сейчас только говорят, что они хороши, а еще ничего хорошего нет». Я говорю: «Да пусть едет прямо в родные горы». Вл. Ил.: «Вот и правильно, да подальше, чтобы никто к нему не приставал, надо об этом позаботиться». А сам бледный, желтый, усталый. «Вл. Ил., вам бы самим-то отдохнуть не мешало». — «Нет, нет, я совсем здоров, — засмеялся, пожал руку и почти убежал, а на пороге обернулся и сказал, — правда, правда, здоров, скоро по тетеревам».

Помню хорошо еще одну встречу с Вл. Ил. Лежал у меня в больнице Гр. Як. Сокольников. Доставили его ко мне в довольно тяжелом состоянии, боли в правой почке и правой ноге, повышенная температура. Приходилось делать довольно сложные исследования. Тов. Сокольников налаживался медленно, был слаб; через несколько дней он обращается ко мне с просьбой разрешить ему принять комиссию, которая приедет к нему сегодня, чтобы переговорить о каких-то важных государственных делах. Я запротестовал, но он настаивал, говоря, что это необходимо, что приедет и Вл. Ил. Пришлось уступить. Вл. Ил. скоро приехал, с ним еще несколько человек. Я встретил Вл. Ил. и сказал ему, что боюсь за Сокольникова, что эта комиссия принесет ему вред. Вл. Ил. на это: «да уж очень нужно срочно, а он хорошо знает Туркестан», при этом он приложил палец к губам. «Давайте Вл. Ил. по часам — 30 минут, а потом я к вам приду». Устроил я их для беседы в лаборатории. Ровно через 2 часа вошел я к ним; смотрю,

Г. Я. Сокольников сидит совершенно бледный. Вл. Ил. вынул часы, положил их перед собой и сказал: «точно через 5 минут». И действительно ровно через 5 минут беседа была закончена. Вл. Ил. отвел меня в сторону, подробно расспросил про болезнь Сокольникова, потом спросил, как у нас идет работа в больнице, и на прощанье сказал: «Ну, а огород-то как?» — «Кряхтит», ответил я. «Почему так?» — «Да хозяев уж очень много, все совещаемся». Вл. Ил. улыбнулся и сказал: «У нас все еще так, много совещаемся; ну, если нужно, позвоните. А у вас здесь очень чисто и хорошо, как-то и на больницу не похоже. Ну, простите, я, небось, оторвал вас от работы, ведь опять резать пойдете? Идите, идите, не провожайте, до свидания». Пошел, потом сейчас же вернулся и спросил: «А Сокольникова-то скоро выпустите?». Я ответил, что и сам не знаю.

После этого я и Вл. Ил. увидались 21 апреля 1922 года. Накануне вечером мне позвонил Ник. Ал. Семашко и сказал, что он просит меня завтра поехать к Вл. Ильичу: приезжает проф. Борхардт из Берлина для консультации, так как нужно удалить пули у Вл. Ил. Я ужасно удивился этому и спросил: «почему?». Ник. Ал. рассказал мне, что Вл. Ил. последнее время стал страдать головными болями, была консультация с проф. Клемперером (большой германский профессор, терапевт). Клемперер высказал предположение и, очевидно, довольно определенно, что эти боли зависят от оставшихся в организме Вл. Ил. пуль, якобы, вызывающих своим свинцом отравление. Мысль эта мне, как хирургу, перевидававшему тысячи раненых, показалась прямо странной, что я и сказал Николаю Александровичу. Ник. Ал. со мной соглашался, но все-таки на консультацию нужно было ехать.

Консультация была интересная. Я заехал за Борхардтом, и мы вместе с ним поехали в Кремль. С нами поехала еще женщина-врач, фамилии не помню, на которую была возложена обязанность быть переводчицей. Нас провели прямо в кабинет Вл. Ил., который сейчас же вышел к нам, поздоровался, переводчице сказал, что она нам не нужна: «сами сговоримся», и пригласил нас к себе на квартиру. Здесь кратко, но очень обстоятельно он рассказал нам о своих головных болях и о консультации с Клемперером. Когда Вл. Ил. сказал, что Клемперер посоветовал удалить пули, так как они своим свинцом вызывают отравление, вызывают головные боли, Борхардт сначала сделал удивленные глаза и у него вырвалось *unmöglich* (невозможно), но потом, как бы спохватившись, вероятно, для того, чтобы не уронить авторитета своего берлинского коллеги, стал говорить о каких-то новых исследованиях в этом направлении. Я определенно сказал, что эти пули

абсолютно не повинны в головных болях, что это невозможно, так как пули обросли плотной соединительной тканью, через которую в организм ничего не проникает. Пуля, лежавшая на шее, над правым грудино-ключичным сочленением, прощупывалась легко, удаление ее представлялось делом не трудным и против удаления ее я не возражал, но категорически восстал против удаления пули из области левого плеча: пуля эта лежала глубоко, поиски ее были бы затруднительны; она так же, как и первая, совершенно не беспокоила Вл. Ил., и эта операция доставила бы совершенно ненужную боль. Вл. Ил. согласился с этим и сказал: «ну, одну-то давайте удалим, чтобы ко мне не приставали и чтобы никому не думалось». Сговорились на другой день проверить положение пуль по Рентгену в Институте акад. Лазарева. При рентгеноскопии пули были видны прекрасно, они немного сместились, сравнительно с тем, что мы видели на рентгенограммах после ранения. Сделали рентгеновские снимки в различных направлениях. После этого Вл. Ил. пошел с П. П. Лазаревым осматривать Физический Институт, но осмотр этот не удался, так как Вл. Ил., дойдя до комнаты, где у П. П. Лазарев собраны материалы по Курской аномалии, заставил П. П. познакомить его с этими материалами самым подробным образом. Вл. Ил. слушал очень внимательно, о многом переспрашивал, видно, что он углубился в вопрос. Уезжая, Вл. Ил. сказал, чтобы П. П. Лазарев продолжал держать его в курсе дела. Об операции было условлено делать ее у меня завтра 23 апреля и что Вл. Ил. придет в 12 часов. Я предложил Борхардту приехать ко мне в больницу к 11 часам, думая показать ему до операции хирургические отделения, но проф. Борхардт просил разрешения приехать в 10 / 2 час. Я, конечно, не возражал, думая, что он хочет поподробнее посмотреть нашу больницу. Борхардт приехал и притащил с собой громаднейший, тяжелый чемодан со всякими инструментами, чем премного удивил и меня, и всех моих ассистентов. Инструментов для операции требовалось самый пустяк: несколько кровеостанавливающих зажимов, пинцет, зонд, ножницы, да скальпель, — вот и все, а он притащил их целую гору. Я успокоил его, что у нас есть все, все приготовлено, готов и раствор новокаина, есть и перчатки, и так как до приезда Вл. Ил. оставалось еще 1 / 2 часа, предложил ему познакомиться с хирургическим корпусом. Он видно волновался и сказал, что хочет начать готовиться к операции. После этого Борхардт стал говорить, чтобы оперировал я, а он будет ассистировать, я ему на это ответил, что оперировать должен он, а я с удовольствием ему поассистирую. Борхардт еще несколько раз повторял это свое предложение, что он будет помогать при операции. Так я и до сих пор не знаю, зачем

он это говорил, — думаю, из галантности. О самой операции Владимир Ильич потом как-то на перевязке сказал мне и д-ру Очкину: «я думал, что вся эта процедура будет гораздо скорее; я бы сдавил так — да и разрезал, пуля и выскочила бы; а то это все для парада было». Пришлось невольно рассмеяться и почти согласиться с ним. Вл. Ил. приехал точно в 12 час., с ним тов. Беленький и еще кто-то из охраны. Приехал и Н. А. Семашко. В операционную вошел, конечно, только Ник. Ал., который спросил меня «кто же будет оперировать?». Я ему ответил: «немец, конечно, для чего же он приехал?». Ник. Ал. согласился с этим. Операция прошла вполне благополучно, Вл. Ил. видно совершенно не волновался, во время самой операции только чуть-чуть морщился. Я был уверен, что операция будет амбулаторная и Вл. Ил. через /2 часа, после операции, пойдет домой. Борхардт категорически запротестовал против этого и потребовал, чтобы больной остался в больнице, хотя бы на сутки. Я не возражал против этого, конечно, так как стационарное наблюдение всегда гораздо покойнее. Но куда мне было положить такого пациента, как Владимир Ильич? Отделение было переполнено, но — кем? Я знал, чем каждый из них болен, но совершенно не представлял себе, что может быть на уме у моих больных. Посоветовавшись с главным доктором Вл. Ил. Соколовым, мы решили положить Вл. Ил. в 44-ю палату на женское отделение; палата была отдельная, изолятор, лежавшую там больную легко можно было перевести в общую палату.

Вл. Ил. сначала очень запротестовал и не хотел оставаться в больнице «из-за пустяков». Пришлось уговаривать, указывать, что после кокаина может появиться и тошнота, и рвота, может быть головная боль и нам удобнее будет его наблюдать. Вл. Ил. долго не с оглашался на наши уговоры, последней каплей, кажется, были мои слова: «я даже для вас, Вл. Ил., палату на женском отделении приготовил». Вл. Ил. рассмеялся, сказал «ну вас» и остался.

Это неожиданное помещение в больницу, конечно, наделало много хлопот не нам, больничным, а, главным образом, охране и обеспокоило Надежду Константиновну и Марию Ильиничну, которые и звонили ко мне и потом приехали. Мар. Ил. беспокоилась, накормят ли Вл. Ил. Я успокоил, сказавши, что и позаботимся со всех сторон, и покормим, и напоим.

Вл. Ил., как всякий больной, поступающий в больницу, был проведен по всем бумагам, была написана история болезни, которую заполнил Вл. Ив. Соколов, главный доктор. Вл. Ил. беспрекословно подчинился больничным порядкам, очень любезно принял д-ра Соколова, отвечал на все его вопросы, дал себя выслушать и выстукать. Из этой истории болезни позволю отметить только

последние строчки: «Со стороны нервной системы — общая нервозность, иногда плохой сон, головные боли. Специалистами констатирована неврастения на почве переутомления». Часов в 7 вечера мой сынишка сильно порезал себе ногу, пришлось пойти с ним в корпус и наложить на рану швы и повязку. Я зашел к Вл. Ил., рассказал ему об этом случае, и потом он каждый день спрашивал у меня, как нога моего сына, пока у него не зажило. Эта внимательность к другим — одна из черточек характера Вл. Ил. Вл. Ил. чувствовал себя прекрасно, на вопрос мой, не нужно ли чего, ответил, показывая на тов. Беленького, который стоял в дверях: «Скажите ему, чтобы они не очень волновались и больных бы не стесняли». Часов в 11 вечера, когда я зашел вновь в корпус, Вл. Ил. уже спал. На другой день утром приехал Борхардт, сделали перевязку и в 1 часу Вл. Ил. уехал домой. С Борхардтом вместе сделали еще одну перевязку, он уехал, и рану повели уже я с моим помощником д-ром А. Дм. Очкиным, с нами всегда ездила и моя операционная фельдшерица К. М. Грешнова. Заживление ранки, которое велось на тампоне, длилось недели 2 /2, ранка заживала совершенно гладко; несколько дней из-за этой ранки Вл. Ил. пробыл в Кремле и потом приезжал на перевязки из Горок. Каждый раз Вл. Ил. пенял на то, что нам приходится из-за этих перевязок много терять времени, и все хотел ездить на перевязки в больницу. Приходилось уверять, что мы это делаем с полной готовностью и что для нас будет гораздо спокойнее перевязывать его здесь, а не в больнице. Несколько раз Вл. Ил. оставлял нас пить чай, радушно угощал, беседуя на самые различные темы. Рана уже зажила, была под корочкой; чтобы снять совсем повязку, нужно было посмотреть через день, через 2 — так и договорились.

Через 2 дня меня вызывают часа в 3 с конференции в больнице к телефону. У телефона Вл. Ил.: «Вы что делаете?» — спрашивает он. «Сижу на заседании, потом пойду домой». — «А скоро ли?» — «Минут через 15–20». «Хорошо, минут через 20 я к вам приеду». Я хотел было запротестовать, но он положил трубку.

Действительно, минут через 20, Вл. Ил. приехал и прошел прямо ко мне в кабинет. Я стал было ему говорить, зачем он беспокоился, ведь я бы к нему приехал. «Я, Владимир Николаевич, сейчас ровно ничего не делал, а вы работали; нечего об этом толковать». Снял я коллобийную повязку и сказал, что можно оставаться без повязки. «Ну, вот и хорошо, а то вся эта ерунда мне очень надоела». Потом Вл. Ил. стал спрашивать меня, как бы ему поблагодарить мою фельдшерицу и не нужно ли чего д-ру Очкину. Я сказал, что фельдшерица моя очень издергалась нервами, у нее есть девочка-воспитанница, которая перенесла только-что

какую-то детскую инфекцию, и было бы очень хорошо им поехать в Крым, в санаторию. Вл. Ил. записал себе это в книжку и сказал, что он об этом скажет Семашко. Про д-ра Очкина я ничего не мог сказать, сказал только, что у него жена хворает. Я стал спрашивать Вл. Ил., как он вообще себя чувствует. Вл. Ил. ответил, что в общем ничего, только вот головные боли по временам, иногда сон неважный, настроение плохое. Я стал убеждать Вл. Ил., что ему необходимо хорошенько поотдохнуть, бросить на время всякие дела, пожить просто растительной жизнью. А он на это мне в ответ: «вам, тов. Розанов, самим-то надо отдохнуть, вид у вас тоже скверный, поезжайте за границу, я вам это устрою». Я поблагодарил его, но сказал, что в Германию ехать — не отдохнешь, так как невольно побежишь по клиникам, да по больницам, если ехать отдыхать, то разве только на рижское взморье. — «Ну, и поезжайте» (Вл. Ил., действительно, дал возможность мне отдохнуть в Риге, а моя фельдшерица съездила в Крым). Я сказал спасибо Вл. Ил. и опять к нему с уговорами. Вл. Ил. тепло поблагодарил меня за лечение и сказал, что он о себе «все-таки» думает и старается отдыхать, что за этим особенно смотрит Мария Ильинична; сказал, что его беспокоит больше не свое здоровье, а здоровье Надежды Константиновны, которая, кажется, стала мало слушаться Федора Александровича (д-ра Гетье), и просил сказать Гетье, чтобы он с ней был понастойчивее, а то она всегда говорит, что «ей хорошо». А я в ответ: «так же, как вы». Он засмеялся и, пожимая руку, проговорил: «работать, работать нужно».

Расстался Вл. Ил. со мной в полном благополучии и поехал в Горки, а недели через 3, 25 мая утром, часов в 10, звонит ко мне по телефону Мария Ильинична и с тревогой в голосе просит поскорее к ним приехать, говоря, что «Володе что-то плохо, какие-то боли в животе, рвота». Скоро подали автомобиль, заехали в Кремль, а оттуда уже на двух машинах отправились в Горки, забравши из аптеки все необходимое и для инъекций и различные медикаменты. Поехали Н. А. Семашко, д-р Л. Г. Левин, брат Вл. Ил. Дмитрий Ильич, тов. Беленький и еще кто-то.

Вл. Ил. в это время жил в маленьком домике наверху; большой дом еще отделялся. Раньше нас из Химок приехал уже Федор Ал. Гетье и осмотрел Вл. Ил.; сначала, по словам окружающих, можно было подумать, что заболевание просто гастрическое, хотели связать его с рыбой, якобы не совсем свежей, которую Вл. Ил. съел накануне, хотя все другие ели, но ни с кем ничего не случилось. Ночью Вл. Ил. спал плохо, долго сидел в саду, гулял. Фед. Ал. передал, что у Вл. Ил. рвота уже кончилась, болит голова, но скверно то, что у него имеются явления пареза правых конечностей

и некоторые непорядки со стороны органа речи. Было назначено соответствующее лечение, главным образом, покой. Решено было вызвать на консультацию невропатолога, насколько помню, проф. В. В. Крамера. И так, в этот день грозный призрак тяжелой болезни впервые выявился, впервые смерть определенно погрозила своим пальцем. Все это, конечно, поняли; близкие почувствовали, а мы, врачи, осознали. Одно дело разобраться в точной диагностике, поставить топическую диагностику, определить природу, причину страдания, другое дело — сразу схватить, что дело грозное, и вряд ли одолимое — это всегда тяжело врачу. Я не невропатолог, но опыт в мозговой хирургии большой; невольно мысль заработала в определенном, хирургическом направлении, все-таки порой наиболее верном при терапии некоторых мозговых страданий. Но какие диагностики я ни прикидывал, хирургии не было места для вмешательства, а это было грустно, не потому, конечно, что я хирург, а оттого, что я знал: борьба у невропатологов будет успешна только в том случае, если имеется специфическое заболевание. Рассчитывать же на это не было никаких оснований. У меня давнишняя привычка спрашивать каждого больного про то, были ли у него какие-либо специфические заболевания, или нет. Леча Влад. Ил. я, конечно, его тоже об этом спрашивал. Влад. Ил. всегда относился ко мне с полным доверием, тем более у него не могло быть мысли, что я нарушу это доверие. Болезнь могла длиться недели, дни, годы, но грядущее рисовалось далеко не радостное. Конечно, могло быть что-либо наследственное, или перенесенное незаметно, но это было мало вероятно.

10 марта 1923 г. вечером ко мне позвонил Вл. А. Обух и сказал, что меня просят принять участие в постоянных дежурствах у Владимира Ильича, которому плохо; на другой день мне о том же позвонил т. Сталин и сказал, что он и его товарищи, зная, что Вл. Ил. ко мне относится очень хорошо, просят, чтобы я уделял этому дежурству возможно больше времени.

Я увидел Влад. Ильича 11 числа и нашел его в очень тяжелом состоянии: высокая температура, полный паралич правых конечностей, афазии. Несмотря на затемненное сознание, Вл. Ил. узнал меня, он не только несколько раз пожал мне руку своей здоровой рукой, но, видно довольный моим приходом, стал гладить мою руку. Начался длительный, трудный уход за тяжелым больным.

Тяжесть ухода усиливалась тем, что Вл. Ил. не говорил. Весь лексикон его был только несколько слов. Иногда совершенно неожиданно выскакивали слова: «Ллойд-Джордж», «конференция», «невозможность» и некоторые другие. Этим своим обиходным словам Вл. Ил. старался дать тот или другой смысл, помогал жеста-

ми, интонацией. Жестикуляция порой бывала очень энергичная, настойчивая, но понимали Вл. Ил. далеко не всегда, и это доставляло ему не только большие огорчения, но и вызывало порой, особенно в первые 3–4 месяца, припадки возбуждения. Вл. Ил. гнал от себя тогда всех врачей, сестер и санитаров. В такие периоды психика Вл. Ил. была, конечно, резко затемнена, и эти периоды были бесконечно тяжелыми и для Надежды Константиновны, и для Марии Ильиничны, и для всех нас. Вся забота о внешнем уходе лежала на Марии Ильиничне и, когда она спала, никому не известно. Кроме Над. Конст., Марии Ил., дежурящих врачей и ухаживающего персонала, к которому должен быть причислен и Петр Петрович Покалл, к Влад. Ильичу никого не допускали. Влад. Ильич видимо постоянно тяготился консультациями и всегда после них был далеко не в духе, особенно когда консультанты были иностранцы. Из иностранцев Вл. Ил. хорошо принимал проф. Ферстера, который, надо отдать справедливость, сам относился всегда к Влад. Ил. с большой сердечностью. Но с осени Вл. Ил. и Ферстера перестал принимать, сильно раздражаясь, если даже случайно увидит его, так что проф. Ферстеру, в конце концов, пришлось принимать участие в лечении, руководствуясь только сведениями от окружающих Влад. Ильича лиц.

Свежий воздух, уход, хорошее питание делали свое дело, и Вл. Ил. постепенно поправлялся, полнел. Явилась возможность учиться речи. Гуляли, пользовались каждым днем, когда можно было поехать в сад, в парк. Сознание полное. Влад. Ил. усмехался на шутки. Искали грибы, что Влад. Ил. делал с большим удовольствием, много смеялся над моим неумением искать грибы, подтрунивал надо мной, когда я проходил мимо грибов, которые он сам видел далеко издали.

Дело шло хорошо, уроки речи давали некоторые определенные результаты, нога крепла и настолько, что можно было надеть легкий фиксирующий стопу аппарат. Вл. Ил., чувствуя себя окрепшим, все больше стеснялся услуг ухаживающих, сводя их до минимума. Он действительно захотел обедать и ужинать со всеми, иногда протестовал против диетного стола и всегда протестовал против всяких лекарств, охотно принимая только хинин, при чем всегда смеялся, когда мы говорили ему, как это он так спокойно проглатывает такую горечь, даже не морщась.

Дело, повторяю, шло настолько хорошо, что я с спокойной совестью уехал на август месяц в отпуск. В середине августа от Марии Ильиничны получил письмо, тоже совершенно успокоительное, где она писала, что дежурства врачей уже не нужны, что идут усиленные занятия по упражнению в речи, от которых Влад. Ил.

приходилось даже удерживать. В сентябре пришлось прекратить и дежурства сестер милосердия, которых Влад. Ил. видимо просто стал стесняться.

Упражнения в речи, а потом и в письме легли всецело на Надежду Константиновну, которая с громадным терпением и любовью вся отдалась этому делу, и это ученье происходило всегда в полном уединении. Врачи, специально приглашенные для этого, не пользовались вниманием Вл. Ил.; он потом просто не допускал их до себя, приходя в сильное раздражение, так что они руководили этими занятиями, давая специальные указания Над. Конст. Все как будто шло хорошо, так что против всякой врачебной логики у меня невольно закрадывалась обывательская мысль: а вдруг все наладится и Вл. Ил. хоть и не в полном объеме, а станет все-таки работником.